

Алексей Воробьев-Обухов *Его счастливое детство*

Оказывается, и в предвоенные тридцатые годы
люди бывали счастливы!

Алексей Воробьев-Обухов

Его счастливое детство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008636

ISBN 9785447413699

Аннотация

Эта книга – воспоминания моего отца, написанные им незадолго до смерти в 1995 году. Зарисовками из своего детства он к моему удивлению доказал: и в предвоенные тридцатые годы ребенок из так называемых «бывших» тоже мог быть счастлив. Даже при том, что репрессии не обошли семью стороной. Перед читателем появляются картины из реальной жизни. Такой, которой сегодня, пожалуй, уже больше нет. А жаль...

Содержание

Воспоминание первое – радостное	6
Воспоминание второе – тоже приятное	9
Еще одно воспоминание – праздничное	10
Отец	11
Мать	17
Аннушка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Его счастливое детство
Оказывается,
и в предвоенные
тридцатые годы люди
бывали счастливы!**
Алексей Воробьев-Обухов

© Алексей Воробьев-Обухов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Разбирая бумаги, оставшиеся после отца, я наткнулся на папку, в которой лежали немного пожелтевшие листы, частью напечатанные на старой машинке, частью написанные его рукой. Это были воспоминания о счастливом детстве, пришедшемся на двадцатые – тридцатые годы, которые принято считать самыми мрачными в нашем советском прошлом. И вдруг – счастье. Да еще у мальчика, росшего в семье русских интеллигентов, которые, впрочем, тогда скрывали свое происхождение.

Мне показалось, что эти мемуары могут быть интересны сегодня и не нарушат ничьего личного пространства – все персонажи, увы, покинули наш грешный мир. Впрочем, ре-

шать вам, мои, а точнее, его, читатели...

Оцифровав весь текст я решил ничего не редактировать – пусть будет, как оно было.

*Людей мы помним грешных и земных
А что мы знали, в сущности, о них?*

Е. Евтушенко

От первых лет жизни у меня, как, наверное, у большинства взрослых, сохранились отрывочные воспоминания отдельных моментов, чем-то поразивших еще не окрепший детский мозг.

Трудно определить их последовательность и еще труднее сопоставить со своим возрастом.

Сколько же мне тогда было, мучительно думаю я, выбирая из памяти своего детства самые ранние, как мне кажется, впечатления.

Итак,

Воспоминание первое – радостное

Я просыпаюсь от звуков трубы и барабана. В открытое окно ярко светит солнце. Моя детская кровать с сеткой стоит у стены напротив. За обеденным столом сидят родители, шипит самовар и вкусно пахнет оладьями.

Это воскресенье, или майские праздники, и в Звездинском сквере, куда выходят окна, собрались пионерские отряды. Они строятся и с барабанщиком, флагом и горнистом во главе маршируют по дорожкам сквера. Их белые рубаш-

ки, синие штаны, юбочки и красные галстуки на фоне яркой весенней зелени газонов завораживают.

«Аннушка, – кричит мама, – Вадочек проснулся.» Появляется Аннушка, она ловко, одной рукой одевает на меня лифчик с двумя резинками для чулок, штанишки с помощами, натягивает чулки и застегивает пуговицы на рубашке. И вот я уже сижу на подлокотнике кресла у окна и не свожу глаз с пионеров.

«Вот пойдешь в школу, станешь пионером и тебе тоже дадут и трубу, и барабан», – говорит добрая Аннушка, всовывая в мой рот теплую масляную оладушку.

Воспоминание второе – тоже приятное

Я открываю глаза и обнаруживаю себя на диване в спальне родителей. Рядом со мной спит мама, я ощущаю тепло и запах ее тела... Наверное, у меня был сильный жар, так как не помню, как очутился на диване. Рядом на широкой с блестящими шишками кровати похрапывает отец. Мать просыпается, ее рука ложится на мой лобик, и я вижу, как на ее лице медленно появляется улыбка. Мама садится и ее длинные, густые волосы, спускаясь по спине, ложатся веером на одеяло.

«Мама, не уходи», – прошу я. Она что-то ласково отвечает, наклонившись надо мной, опять я ощущаю тепло и запах ее тела и счастливый засыпаю.

Еще одно воспоминание – праздничное

У нас елка. Она стоит в гостиной, упираясь блестящим наконечником в высокий потолок. Я сижу в спальне на диване между отцом и матерью, и через две пары открытых двухстворчатых дверей гляжу на елку. Родители о чем-то тихо разговаривают между собой. В гостиной темно, и от зажженной люстры в столовой на елке светятся и искрятся блестящие бусы, шары, канитель и полосы дождя... Все очень красиво и сказочно. На ум почему-то приходит сказка о сером волке и Красной Шапочке. Я прошу папу купить мне настоящее ружье, чтобы застрелить притаившегося под елкой злого волка. Папа обещает, и я чувствую себя самым счастливым мальчиком на свете...

Отец

Всю жизнь, с того дня как я его помню, отец носил костюм и сорочку с галстуком. Помню его в жилетке или толстовке летом, но всегда при галстуке. И только на даче в очень жаркие дни он одевал шелковую косоворотку навывпуск, подпоясанную ремешком, или шнурком с кистями. В этом случае на голову отец надевал белую фуражку с черным лаковым козырьком – предмет моей мальчишечьей зависти.

Отец был высокого роста, слегка полноватый, голову всегда держал прямо, ходил не сутулясь.

«Настоящий барин», – уважительно говорил о нем наш добрейший Павел Яковлевич, дворник с дореволюционным стажем.

Мамина сестра – моя самая любимая тетя Оля, проживающая в Москве и считавшаяся у нас законодательницей мод, называла папу на английский манер «Алекс». И когда мне читали «Оливера Твиста», я представлял почтенных Лондонских джентльменов в виде своего отца.

Отец пользовался авторитетом и уважением среди жильцов дома и студентов. Он очень много работал: преподавал русский язык, литературу, в том числе и античную на рабфаке при Университете и в Педагогическом институте. В его кабинете-гостиной стояли две высокие полки, заставленные сочинениями русских и мировых классиков в красивых изданиях Брокгауза, Маркса и в кожаных переплетах.

На стенах в рамках из красного дерева висели портреты Толстого, Достоевского и Чехова. Когда отец готовился к лекциям, он любил ходить по кабинету, и ему нельзя было мешать. После обеда отец или уходил на занятия с отстающими, или садился за проверку тетрадей с диктантами и сочинениями. Устав, он дремал, сидя в своем любимом кресле за письменным столом. Отдыхающим на диване я его не видел никогда. Мне кажется, он отдыхал только за вечерним

чаем, положив ногу на ногу, покуривая свои любимые папиросы «Сафо» и слушая наши с мамой рассказы о событиях дня.

Я не помню, чтобы отец играл со мной, читал книжки, или рассказывал сказки.

Но на всю жизнь я запомнил, как он регулярно водил меня на Нижегородскую ярмарку и в цирк братьев Никитиных, как ежегодно весной в одно из воскресений мы шли на Откос смотреть весенний ледоход. А однажды, на трамвайчике мы поехали к Похвалинскому элеватору (где сейчас стоит гостиница «Нижегородская») и вместе с собравшейся толпой смотрели, как сбрасывали кресты и ломали купола собора Александра Невского на Стрелке. Удары кувалд, треск отдираемых досок кровля гулко разносились по водной глади Оки. Люди смотрели молча, некоторые женщины всхлипывали, утирая уголками головных платков глаза...

Когда я немного подрос, отец стал брать меня с собой и баню. Банные дни были для меня настоящим праздником. Пока мама собирала наше белье в фанерный баульчик, я суетился, отбирая игрушки, которым выпала честь поплавать в шайке с теплой водой. В Ковалихинскую баню мы добирались на трамвайчике, который ходил от площади 1-го Мая (пл. Горького) до Острожной (пл. Свободы), и далее пешком по Провиантской до Ковалихи.

Банщики знали отца, называли его по имени-отчеству и провожали нас на постоянное место у стены. Раздевал-

ка сверкала бело-бордовым кафелем и чистотой диванов из красного дерева с зеркалами и полочками на спинках. На блестящую кожу дивана банщик стелил накрахмаленную простынку. Отец сперва мылся сам, а уж потом мыл меня, чтобы сразу выйти одеваться. Пока я сидел закутанный в махровое полотенце, отец выходил покурить. Пиво и чай, как многие посетители он не пил.

Как я уже писал выше, основной работой отца был Рабфак – рабочий факультет при Университете. Он был организован еще в 1919 году для подготовки рабочей и крестьянской молодежи в Университет.

подавляющее большинство рабфаковцев были уже далеко не университетского возраста и даже семейными. Они направлялись по путевкам партии и комсомола и горели желанием получить высшее образование. Поэтому заниматься с ними было хотя и трудно, но интересно.

После экзаменационных сессий к нам домой часто приходили студенты для пересдачи экзаменов. Мама говорила, что они приходят сдавать отцу хвосты.

Однажды, когда папы не было дома, и симпатичная студентка ждала его в гостиной, я вышел показать свои игрушки. Ободренный ее вниманием и улыбкой, я спросил, будет ли она сдавать отцу хвост. Получив утвердительный ответ, попросил, смущаясь, показать его. Студентка расхохоталась и, притянув меня к себе, объяснила, какой у нее хвост. Обрадованный, я тут же помчался поделиться своим откры-

тием с мамой.

Вечером, за чаем, мама рассказала о моем открытии отцу и мы вместе хорошо посмеялись.

По большим праздникам – на Пасху и Рождество – у нас собирались гости, часто приезжали мамины сестры. После угощения гости проходили в гостиную, муж тети Вали садился за пианино и начинались танцы. Для меня это была самая замечательная часть вечера.

Танцевали вальс, мазурку, венгерку (любимый папин танец). Когда танцевали мазурку, тетя Лида, студенткой накануне войны пожившая во Франции, громко командовала «А-гош, А-друа, Мазурка женераль» и танцующие послушно шли то направо, то налево, то становились парами друг за другом. Мне нравилось смотреть, как отец танцует венгерку, вычерчивая правой ногой треугольники и громко при-топывая и щелкая каблуками под зажигательную мелодию Брамса.

Вечер заканчивался по обыкновению тем, что меня отправляли спать, а гости, натанцевавшись, рассаживались на расчехленную мягкую мебель, и муж тети Лиды приятным тенором пел романсы под аккомпанемент пианино.

Немного поканючив, я покидал гостиную, попросив спеть любимую колыбельную Чайковского «Спи, моя радость, усни...»

Лежа в кроватке, я прислушивался к романсам о любви и разлуке и мечтал о том, как буду танцевать венгерку, когда

подросту...

На другой день Аннушка мыла пол и рассказывала мне, как соседи с первого этажа расспрашивали ее по какому поводу у нас были танцы и кто так громко стучал каблуками.

И этот стук каблуками был единственным шумом, который позволял себе отец. Я никогда, ни в детстве, ни в юности не слышал, чтобы папа повышал голос. Я не помню, чтобы он ссорился о мамой, и даже прикрикивал ни меня. Если я его сердил, то он просто смотрел мне в глаза, так смотрел, что мне сразу становилось стыдно.

И я любил его еще больше...

Мать

В противоположность отцу, мама была эмоциональна и, порой, вспыльчива. Ее очень расстраивала людская неблагодарность и несправедливость. Потеряв в шестнадцать лет отца, маме, будучи еще гимназисткой, приходилось давать частные уроки, чтобы помочь матери прокормить и одеть четырех малолетних детей.

Ее отец – мой дедушка, видя природные способности дочери, завещал перед смертью: «Учить Антонину». После окончания гимназии с золотой медалью, мама один год работала преподавательницей в частной женской гимназии, а за-

тем поступила в единственный в тогдашней России женский императорский педагогический институт в Петербурге. Лица, окончившие этот институт, получали университетский диплом.

Учась в институте, мама продолжала давать частные уроки в состоятельных семьях петербуржцев, чтобы поддержать семью и платить за учебу. В получении уроков ей помогали преподаватели института, рано заметившие педагогические способности молодой студентки.

Мама (вторая справа) в институте

Когда я уже учился в школе, мама рассказывала мне о своем репетиторстве в аристократических семьях, где ее иногда приглашали отобедать с «их сиятельствами».

Я очень любил слушать мамины рассказы о ее детстве, Кстове, студенческих годах в столице и, наконец, о ее участии в гражданской войне после революции.

И, как это часто бывает у детей, снова просил повторить рассказ о двух известных и богатых ухажерах, сватовшихся к маме в Петербурге и Нижнем. «А почему ты вышла замуж за папу», – спрашивал я ее после таких рассказов. «А потому, – отвечала она, – что я очень полюбила нашего дорогого папу за его благородство, порядочность и ум».

Мама познакомилась с будущим мужем в Нижегородской гимназии еще до войны и вышла замуж в 1919 году, когда ей было уже 28 лет, а папе – 38.

Как историческую реликвию, храню я два документа, выданные маме в годы гражданской войны штабом Волжской военной флотилии, в которых указывается, что Миловидова Антонина Васильевна состоит в штате Революционного Трибунала флотилии и не подлежит аресту, уплотнению, выселению и обыску с реквизицией имущества без согласия Командования Флотилии.

Мама рассказывала, как она плавала на судах Флотилии, ведущих борьбу с белыми по Уфе, Каме и в низовьях Волги.

Мама никогда меня не ругала, не воспитывала нудными

нотациями, а как-то доброжелательно давала мне самому понять неблаговидность моего поведения, или поступка.

Маму очень любили и уважали ее ученицы – сперва гимназистки, потом студентки Рабфака, их памятными подарками, начиная от трогательных поздравлений и благодарностей, и кончая обязательным портфелем и чернильным прибором, а также оригинальными недорогими сувенирами был заставлен стол. Я пишу об этом, так как в детстве очень любил рассматривать эти подарки и играть в них, придумывая им новые, непонятные для взрослых назначения.

И сам письменный столик, небольшой, однотумбовый, притягивал своей уютностью и необычностью. Во-первых, на нем справа стоял небольшой шкафчик с дверцей с вставленным зеленым пупырчатым стеклом. Во-вторых, на столе слева и сзади стояла деревянная резная ширмочка. Стол был покрыт красивым малиновым сукном. Он был таким уютно-интимным, что за ним хотелось посидеть. Я очень любил играть, а потом и делать уроки за ним.

Во время войны даже преподаватели математики надели погоны

Как и отец, мама очень много работала. Я видел ее только за обедом и ужином и лишь иногда по вечерам, когда у нее

не было консультаций и вечерних занятий с отстающими. В свободные вечера она читала мне по много раз любимые книжки, среди которых были сохранившиеся от ее детства сказки Перро «Мальчик с пальчик» и «Кот в сапогах».

При такой загрузке у мамы совершенно не оставалось времени на домашние дела, но несмотря на трудолюбивую Аннушку, ведавшую питанием семьи, уборкой квартиры и уходом за мной, мама каким-то чудом находила время проверить мои уроки и поштопать вечно худые на коленках от постоянного ползания по полу со своими игрушками длинные чулки, или сшить тряпичные спортивные тапочки, которые я с завидным упорством забывал в школе.

Желая чем-то помочь маме (эту черту во мне усиленно развивала Валентина Ивановна), я начинал наводить порядок на мамином письменном столе, раскладывая стопки учебных тетрадей, конспекты и какие-то листочки с непонятными формулами, что, хотя и вызывало похвалу с поцелуем, но вряд ли экономило ее время, если не сказать наоборот.

Мама мало занималась своим гардеробом, годами нося одну и ту же одежду. Я помню ее нарядное лиловое платье, которое мне страшно нравилось, кулон с сиреневым аметистом и золотые часики на браслетке, которые она одевала, идя в гости или на праздники. Помню хорошо и шелковую голубую кофточку, подаренную папой, которой она пользовалась много лет.

Занятие туалетами требовало времени, а у мамы его не было.

Аннушка

Аннушка появилась в нашей семье вскоре после моего рождения. Это был 1920 год, известный страшным голодом в Поволжье, разгулом инфляции, восстаниями и мятежами недовольных Советской властью крестьян. Родители платили миллионы за козье молоко, которым меня поили, так как у мамы молоко вскоре пропало. Чтобы как-то сводить концы с концами, мать набирала дополнительные уроки, а отец по совместительству преподавал на открывшихся курсах пехотных командиров Красной Армии, за что получал бесплатно военное обмундирование и красноармейский паек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.